

Библиографический список

1. Пономарёва Е. Секреты цветных революций // Свободная мысль. 2012. № 1/2. С. 87–98.
2. Гапич А., Лушиников Д. Технологии цветных революций. М., 2010.
3. Аракелян Г. Цветные революции в контексте истории и зеркале современной политики // Академия Тринитаризма. М., 2014.
4. Розеватов Д.А. Литературная игра как композиционный прием в романе О. Генри «Короли и капуста» (1904) // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2010. № 1. С. 40–42.
5. О. Генри. Короли и капуста: роман / пер. с англ. К. Чуковского // Избранные произведения: в 2 т. М., 1955. С. 5–188. Т. 1.
6. О. Генри. Четвертое июля в Сальвадоре: новелла // Собрание сочинений: в 2 т. М., 2010. Т. 1.

V.V. Suvorov

**Positive Image of the East
and the National Cultural Identity
in Russia (Second Half
of the XIX – Early XX Century)**

Ideas of “orientalism” about the cultural and historical unity of Russia and the East are considered. It is proved that since the end of the XIX century a positive image of the East played an important role in the self-determination of a part of the Russian society. The original concept of Russian immigrants – the Eurasianism, based on the consistent rejection of Eurocentrism, is analyzed.

Key words and word-combinations: the image of the East, Russia, Asia, “vostochnichestvo”, Eurasianism.

Рассматривается идея «восточничества» о культурно-историческом единстве России и Востока. Доказывается, что с конца XIX в. положительный образ Востока играл важную роль в самоопределении части российского общества. Анализируется евразийство – оригинальная концепция российских эмигрантов, основанная на последовательном отказе от европоцентризма.

Ключевые слова и словосочетания: образ Востока, Россия, Азия, «восточничество», евразийство.

УДК 008.001

ББК 71.4

В.В. Суворов

**ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ
ОБРАЗ ВОСТОКА
И НАЦИОНАЛЬНО-
КУЛЬТУРНАЯ
ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИИ
(вторая половина XIX —
начало XX века)***

Проблемы отношения к Востоку и определения национальной идентичности, возникшие в конце XIX — начале XX в., сохраняют особую значимость и для современного российского общества. Идентичность играет важнейшую роль в формировании общественного единства, сохранении его целостности, а также в выработке национальной и государственной идеологии, определении путей дальнейшего развития, разработке направлений внешней и внутренней политики.

Из-за нередкого пересечения и смешения национально-этнической идентичности и «цивилизационной» или «макрополити-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-01298.

ческой» [1, с. 48–49] идентичности как осознания своей принадлежности к надэтнической общности в многонациональной России, ее культуре и истории уместнее употреблять термин «национально-культурная» идентичность, позволяющий включить не только русских, но и представителей других народов и этносов, объединенных русской культурой или включенных в российскую социокультурную систему. Особую значимость имеет вопрос формирования идентичности в рамках ориентации российской культуры на Запад или на Восток и определения роли образа Востока в формировании российской национально-культурной идентичности в указанный период.

На протяжении долгого времени отношение к Востоку формировалось через призму восприятия Запада и отношений России и Европы. Особенностью осмысления национально-культурной идентичности российской элитой начиная с XVIII в. стала ориентация на Запад как культурный ориентир. Восточная культура воспринималась как экзотика, однако именно в это время были заложены основы изучения восточных языков и востоковедения [2, с. 395–398].

Рубежом стала Отечественная война 1812 г., заставившая образованное общество обратиться к национальным корням и традициям. Со второй четверти XIX в. и до настоящего времени одним из главных вопросов, вызывающим постоянные споры в российской общественной мысли, стала проблема культурно-исторической принадлежности России к Западу и целесообразности следования по европейскому пути развития. В зависимости от ответа можно условно выделить западников и их оппонентов, взгляды которых проявились в различных направлениях общественной мысли от славянофилов до евразийцев. Однако славянофилы, отстаивавшие точку зрения самобытности российской культуры, никак не связывали развитие России с Востоком и даже не касались его. Как отмечал Н.В. Рязановский, «Азия, не говоря о том, насколько христианскую традицию можно считать азиатской, напротив отсутствовала в славянофильском мышлении» [2, с. 394]. Исключением были разве только взгляды А.С. Хомякова, выстроившего арийскую генеалогию русской нации, основываясь на идее скифского происхождения [2, с. 394].

Следующим рубежом в определении идентичности стала Крымская война, закончившаяся в 1856 г. поражением России и ослаблением ее позиций в Европе, что имело следствием переосмысление геополитических и культурных ориентиров. Европа стала в восприятии многих представителей образованного общества еще более «чужой», что привело, с одной стороны, к усилению панславистских настроений и воодушевлению оказать помощь балканским славянам в их борьбе с Османской империей, а с другой — нарастанию стремления компенсировать неудачи на Западе за счет движения на Восток.

В 60–70-е годы XIX в. в общественной мысли России получила развитие теория национально-культурного единства славян, связанная с выделением славянской общности и воображаемой единой славянской идентичности. Достигнув своего пика к концу 1870-х годов идеи славянского единства постепенно стали утрачивать свою актуальность и сторонников. Обусловлено это было целым рядом причин, которые по сути сводились к провалу реализации панславистских идей на практике и осложнением взаимоотношений с южно-

славянскими странами. Россия в своем устремлении контролировать Балканы встретила серьезное противодействие со стороны западных держав, что особенно проявилось на Берлинском конгрессе.

Одновременно многие представители образованного общества заинтересовались Азией с позиции экспансии и расширения пределов влияния России на Востоке, что стало основой колониальных и «империалистических» взглядов. Так, М.П. Погодин, размышляя в годы Крымской войны о перспективах русской внешней политики, отмечал: «...мы должны обратить свое внимание на Азию, которую упустили почти совсем из виду, хотя, собственно, она предназначена нам по преимуществу, Азию, куда хотят также по какому-то чутью, хоть и не с добрым намерением, отбросить нас наши враги!» [3, с. 242].

В подобном же духе были сделаны многозначительные заявления в отношении России и Азии Ф.М. Достоевским о том, что «русский не только европеец, но и азиат», «мало того: в грядущих судьбах наших, может быть Азия-то и есть наш главный исход» [4, с. 504], но Европа представлялась ему все же более значимой: «Европа нам тоже мать, как и Россия, вторая мать наша; мы много взяли от нее, и опять возьмем, и не захотим быть перед нею неблагодарными» [5, с. 33]. Интересные идеи были предложены К.Н. Леонтьевым, который отмечал родственную связь русских с восточными народами: «В самом характере русского народа есть очень сильные и важные черты, которые гораздо больше напоминают турок, татар и других азиат... чем южных и западных славян» [6, с. 386]. Однако для всех мыслителей XIX в. Европа оставалась более близкой и родной, чем азиатский мир. Самоидентификация, основанная на славянской общности и единстве, византийском наследии и православии, предполагала близкие отношения с остальными христианскими народами, прежде всего с европейцами.

Новые веяния в восприятии Востока возникают в последней четверти XIX в. В отечественном востоковедении появились попытки переосмысления общего представления об «историчности» и способности восточных стран к развитию. Китаевед С.М. Георгиевский под влиянием философии истории Н.И. Кареева одним из первых сделал попытку включить Китай в «историю» и показать прогрессивность его развития [7, с. 144]. К началу 90-х годов XIX в. некоторые россияне уже перестали воспринимать эпитет «азиатский» как оскорбление. Как отмечает немецкий исследователь М. Саркисянц, до тех пор подобные утверждения исходили исключительно от врагов России и даже крайние славянофилы и панслависты решительно их отвергали [8, с. 214].

Развитие востоковедения и отечественной исторической науки в целом, формирование имперских идеологий, основанных на успехах в продвижении в Среднюю Азию и устремлении на Дальний Восток в конце XIX в., а также колониальная политика европейцев в Азии и начало «пробуждения» Востока подготовили почву для появления «восточнических идей», основанных на культурной близости России и Востока и ее исторических корнях в Азии.

Главным идеологом выступал публицист, редактор-издатель «Санкт-Петербургских ведомостей», приближенный Николая II в первые годы его правления этнограф и востоковед князь Э.Э. Ухтомский. По мнению историка и публициста, исследователя Сибири П.М. Головачева, на «поворот» к Востоку оказали

влияние и несбыточные панславистские идеи: «Когда окончательно выяснилось, что многочисленные культурно-исторические, географические и политические причины делают безнадежным осуществление панславистских идеалов, тогда внимание людей с мистической складкой в области политических и социальных вопросов обратилось с европейского Востока на азиатский» [9, с. 8].

Национально-культурная идентичность России в определении «восточников» приобрела «азиатские» черты. По мнению Э.Э. Ухтомского, Россию и Восток объединяет культурно-историческая близость: «Преобладающее значение в нем [в нашем прошлом] всегда выпадало на долю Азии» [10, с. 32]. Говоря об отношении Европы к России, этнограф отмечал: «...Запад до того проникнут к нам неисцелимою неприязнью, что даже осязательную помощь русских принимает в качестве чего-то должного по отношению наций высшего порядка со стороны варваров-московитов» [11, с. 23]. В ходе своих рассуждений он не раз подчеркивает чуждость европейцам и понятность для русских восточного мира. Долгое соприкосновение с Востоком и продвижение в его глубь обеспечило русским возможность понимать восточную культуру и осознавать свою общность с ней.

Исследователь считал, что Россия опередила в своем развитии Восточные страны, но сохранила общие для них культурные и политические традиции, которые и являются объединяющим фактором. Россию отличает от Востока то, что она «полтора века лет шагнув по пути прогресса... высвободилась из-под опеки заграничных авантюристов...» [12, с. 4–5]. Это и обеспечивает «первенство» русских в Азии и накладывает на них «историческую роль и завещанную предками миссию главарей Востока» [12, с. 209]. По своему историческому призванию Россия должна была стать «мировой силой, сочетающей Запад с Востоком» [10, с. 32].

Современник князя Э.Э. Ухтомского П.М. Головачев характеризовал «восточничество» следующим образом: «Этот взгляд является как бы дальнейшим развитием взглядов славянофилов и панславистов» [9, с. 7–8]. «Восточничество», по мысли исследователей, было достаточно влиятельным направлением [13, с. 189; 14, с. 78–80], однако из-за необдуманных действий России на Дальнем Востоке оно постепенно утратило свою состоятельность и уступило место идеям о «желтой опасности», проявившимся особенно после поражения в Русско-японской войне в 1905 г.

Современная исследовательница Е.А. Чач по результатам анализа словарных и энциклопедических статей конца XIX — начала XX вв. о Востоке, восточных народах и востоковедении в целом отмечала устойчивость европоцентризма в отношении к ним: «В оценке того или иного народа важную роль играет степень его восприимчивости к европейской культуре» [15, с. 17]. В дальнейшем Первая мировая война привела к осознанию мировой общественностью относительности, а во многом и недостаточности достижений европейской культуры. Российское общество в этих условиях начало новые поиски национальной идентичности. Мыслитель Н.А. Бердяев подчеркивал, что «мировая война остро ставит вопрос о русском национальном самосознании. Русская национальная мысль чувствует потребность и долг разгадать загадку России, понять идею России, определить ее задачу и место в мире» [16, с. 296].

В этом отношении особенно интересно видение выдающегося поэта той эпохи А. Блока, нашедшее свое выражение в стихотворении «Скифы», написанном 30 января 1918 г. Противопоставляя Россию Европе, Блок ищет ответ на Востоке, у которого только и осталось еще «человеческое лицо». «Скифы» написаны от лица тех, кто веками держал щит «между монголами и Европой», а идентификация Блока оказывается близка к идеям евразийства, так как Россия противопоставляется как Западу (Европе), так и Востоку (монголам), он представил русских скифов не азиатами, а независимым третьим элементом между Европой и Азией [17, с. 191–215].

Важным этапом в определении места России в системе Восток — Запад стало появление евразийства в эмигрантской среде, вызвавшего широкий общественный резонанс. Возникновение евразийства связано с опубликованием книги Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» и выходом в 1921 г. в Софии коллективного труда «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев», авторами которого были П.Н. Савицкий, Н.С. Трубецкой, П.П. Сувчинский и Г.В. Флоровский [18; 19]. Признавая «восточность» России, народы российского мира исследователи не относили ни к европейцам, ни к азиатам, а называли их евразийцами. Евразийство представляло собой новый подход к Востоку, особенность которого состояла во включении многих азиатских народов в историю, жизнь и самоопределение русских, а также в решительном разрыве с Западом и отказом от европоцентризма. Ключевое место в историческом развитии Российского государства и культуры отводится роли восточного элемента, «степной стихии, дающей мироощущение “континента-океана”».

При сходстве некоторых положений между евразийством и взглядами князя Ухтомского существуют принципиальные отличия. Одно из них заключается в самоидентификации. В целом, если Э.Э. Ухтомский пользовался традиционными определениями «Россия» и «русские», а Азия для него «строга говоря, в полном объеме есть та же Россия» [20, с. 43], то молодые эмигранты признавали себя «евразийцами», а о принадлежавшей России экономико-географической и культурной сфере говорили как о «России-Евразии».

Российская культурно-историческая общность представлялась евразийцам самостоятельным, целостным организмом, отличным как от Европы, так и от Востока, хотя и с преобладающим влиянием Востока на формирование евразийской культуры [21, с. 100–105]. Категорически отвергая западничество и одновременно его славянофильскую альтернативу, евразийцы декларировали свою срединную позицию. Однако тема такой «срединной» позиции иногда встречается и у Э.Э. Ухтомского. Он утверждал, что уверенность русских в своем историческом призвании быть выше и лучше других «есть в бесформенном определении себя каким-то новым обособленным миром, который вмещает и объединяет в недрах своей души культурно разделяемые бездной Восток и Запад» [22].

Евразийцы отказались от европоцентризма. Так, Н.С. Трубецкой указывал: «Евразийство отвергает безапелляционный авторитет европейской культуры» [22, с. 80]. Однако Э.Э. Ухтомский, отказываясь от убеждения о превосходстве западной цивилизации и отстаивая мысль, что восточная культура ни в чем не уступает европейской, не мог в полной мере отойти от европоцентристского подхода. Для востоковеда «западное общечеловеческое просвещение» [12, с. 38],

несмотря на критику рационализма и меркантилизма умственно дисциплинирующего Запада, все же имело большую значимость и давало ему основания видеть в России более развитую культуру, которая в сочетании со своими коренными традициями была способна и призвана пробудить Восток.

Таким образом, «обращение» к Востоку в определении национально-культурной идентичности прошло долгий путь, сопровождавшийся «отчуждением» от Запада. Если в начале XIX в. главным ориентиром служила Европа, а российское общество считало себя частью европейской цивилизации, то уже после Отечественной войны 1812 г. можно отметить обращение к национальной культуре, усилившееся во второй половине XIX в. и оказавшее заметное влияние на идентичность. Экзотические, эстетические и даже романтические впечатления от Востока, давшие импульс развитию востоковедения, постепенно, под влиянием поражений и неудач в Европе, дополнялись осознанием колониальных интересов и идеями политической экспансии России в Азию.

Панславистские идеи породили идентичность, основанную на осознании славянской общности и противопоставлении ее остальным, прежде всего германским народам. Кризис панславизма и устремление России на Восток в конце XIX в. способствовали появлению весьма оригинальной теории «восточничества» о культурно-историческом единстве России и Востока. Явная самоидентификация с Западом у мыслителей и общественных деятелей XIX в., западный характер и структура самих взглядов этих людей, проявлявшиеся при соотнесении России и Востока, сменяются у Э.Э. Ухтомского на более критичное отношение к Западу и западному образу мысли. С конца XIX в. и до установления советской власти положительный образ Востока играл важную роль в самоопределении части российского общества, что нашло свое логичное завершение в оригинальной концепции российских эмигрантов — евразийстве, основанном на последовательном отказе от европоцентризма.

Библиографический список

1. *Малинова О.Ю.* Российская идентичность между идеями нации и цивилизации // Вестник института Кеннана в России. М., 2012. Вып. 22.
2. *Рязановский Н.В.* Азия глазами русских // В раздумьях о России (XIX век). М., 1996.
3. *Погодин П.М.* О русской политике на будущее время // Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. 1853–1856. М., 1874.
4. *Достоевский Ф.М.* Геок Тепе. Что такое для нас Азия // Собрание сочинений: в 15 т. СПб., 1995. Т. 14.
5. *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя // Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1984, Т. 27.
6. *Леонтьев К.Н.* Византизм и славянство // Собрание сочинений. М., 1912. Т. V.
7. *Березанская Л.В.* Особенности развития китайской цивилизации в исторической концепции С.М. Георгиевского // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294.
8. *Саркисянц М.* Россия и мессианизм. К «русской идее» Н.А. Бердяева / перевод с нем. СПб., 2005.
9. *Головачев П.* Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1904.
10. *Ухтомский Э.Э.* Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891). СПб.; Лейпциг, 1897. Т. III. Ч. 5.
11. *Ухтомский Э.Э.* Из китайских писем. СПб., 1901.
12. *Ухтомский Э.Э.* Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891). СПб.; Лейпциг, 1895. Т. II. Ч. 3.

13. *Schimmelpenninck van der Oye D.* The Asianist Vision of Prince Ukhtomskii // Казань, Москва, Петербург: Российская империя взглядом из разных углов. М., 1997.
14. *Чач Е.А.* Ориентализм в общественном и художественном сознании серебряного века: автореф. ... канд. ист. наук. СПб., 2012.
15. *Бердяев Н.А.* Душа России // Русская идея. М., 1992.
16. *Межуев Б.В.* Забытый спор. О некоторых возможных источниках «Скифов» А. Блока // Соловьевские исследования: периодический сборник научных трудов. Иваново, 2002. Вып. 5.
17. Предчувствия и свершения (предисловие из сборника «исход к Востоку») // Мир России Евразия: антология. М., 1995.
18. *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык. М., 1995.
19. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. М., 1997.
20. *Савицкий П.Н.* Евразийство // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: антология. М., 1993.
21. [Ухтомский Э.] С.-Петербург, 6 января 1896 г. // Санкт-Петербургские ведомости. 1896. № 5. 6 (18) янв.
22. *Трубецкой Н.С.* Мы и другие // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: антология. М., 1993.

К.А. Kudayarov

The Turkish-Kyrgyz Collaboration in the Military Sphere

The article briefly describes donor and other kinds of supports from the Turkish Republic to military departments of Kyrgyzstan. It is proved that because of the existing threats of international terrorism and to support security and order within the republic, Kyrgyz authorities along with many states of the Central Asian Region cooperate with Turkey in the military sphere.

Key words and word-combinations: Turkey, Kyrgyzstan, military cooperation.

Рассматривается поддержка, оказываемая со стороны Турции военным ведомствам Киргизской Республики. Доказывается, что в силу существующих угроз со стороны международного терроризма, а также для поддержания безопасности и порядка в пределах собственного государства киргизское руководство, наряду со многими государствами региона, сотрудничает с Турцией в военной сфере.

Ключевые слова и словосочетания: Турция, Кыргызстан, военное сотрудничество.

УДК 327(560+575.2)
ББК 66.4(0)(5Туз+5Кир)

К.А. Кудаяров

ТУРЕЦКО-КИРГИЗСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ВОЕННОЙ СФЕРЕ

Географическое положение Киргизии делает ее частью весьма не спокойного и проблемного региона, соседствующего с Афганистаном, вследствие чего подверженного разного рода угрозам. Эти угрозы связаны как с деятельностью запрещенных в России террористических организаций подобных Талибану, Исламскому государству, так и незаконным оборотом наркотиков и многим другим. Существуют также внутрирегиональные проблемы, связанные с распределением водных ресурсов, территориальными спорами и иными проблемами, приводящими нередко к межнациональным